

Записки сержанта Русакова

Передо мной толстая тетрадь – воспоминания Николая Васильевича Русакова. Всю войну он прошёл солдатом. После неё много лет работал в отделе главного энергетика Ярославского моторного завода и однажды взялся за перо. Не для публикации, просто, как говорят родные, хотел, чтобы то, чему был свидетелем, где-то осталось. Николай Васильевич умер в 2000 году. Его тетрадку принесла в музей истории завода племянница, Вера Александровна Чистякова. Значительная часть воспоминаний посвящена началу войны.

«ДРУЗЬЯ» В ЧЁРНОМ

Он был призван в армию в сентябре 1939 года. Служба проходила во Львове – сначала в полковой школе, потом в 323-м стрелковом полку 81-й дивизии, в мотопехоте. Учения, боевые тревоги, снова учения. И редкое время полного душевного покоя. Такой выпала зима 1940 – 1941 годов.

Вместе с тремя другими солдатами – казахом, узбеком и грузином – Русакова направили за 30 километров в лес охранять полковые дрова. Два раза в день они обязаны были объезжать на лыжах участок, тесно заставленный длинными рядами полениц, для защиты которых им выдали винтовки, десять гранат на всех, а Русакову ещё пистолет ТТ в придачу. «Но случая не представилось, – пишет он. – Жили, как в раю».

Дом, где квартировали, – на две половины, в одной хозяева, в другой солдаты. Ночью по очереди дежурили, а день оставался в полном собственном распоряжении. Уходили на лыжах в лес, встречали кабанов, диких коз, наслаждаясь тишиной и сказочной красотой природы. Промёрзнув, брались для самообогрева за пилу и топор, наращивая на кубометр-другой полковую поленицу. Иногда на хозяйской лошадке привозили немного дровишек домой, за что получали от хозяев молочка, картошечки, маслица. Со своей стороны отдавали им надоевшую селедку из своего пайка. И все были довольны.

Новый год встречали с местными девушками, те принесли пирогов, пива, затеяли гадания. А утром вместе со всем селом отправились в церковь, которая тут была и храмом, и клубом.

Ближе к весне их отозвали во Львов. Началась подготовка к первомайскому параду: «по четыре часа ходили строевым шагом и кричали «ура»».

Готовились к празднику и местные националисты (Русаков в своих записках называет их «белополяками»). Они заранее засели с пулемётами на крышах домов и церковью вдоль улиц, где должны были пройти воинские колонны. Но разведка не дремала, и по тому маршруту пустили не пехоту, а танки. Пехота прошла по другому, была всё же обстреляна, но обошлось без нескольких жертв, но колонны двигались на площадь не останавливаясь.

На трибунах стояло львовское начальство, наше командование и... военные в чёрной форме со свастикой на рукавах – «наши союзники и друзья в то время, немецкие генералы. А мы, проходя мимо трибун, кричали «ура», – вспоминает Русаков.

После праздника полк выехал в летние лагеря. Растянули палатки на двенадцать человек каждая, сделали дорожки, посыпали их песком. Начались учебные занятия, в числе прочего копали окопы – учебные. Недалеко от лагеря стояли замаскированные грузовики – на колёсках, с побелёнными колёсами и полной выкладкой боеприпасов на случай войны. Но против кого?

Недалеко польско-немецкая граница. Слухи ходили, что немец скоро пойдёт на нас войной. Но во всеуслышание такое не

говорилось: Германия считалась другом Советского Союза.

В пятницу 20 июня после зарядки и завтрака все собрались на политинформацию – как всегда её проводил замполит Лесков. Было много вопросов о войне, но замполит уходил от прямых ответов. Пока наконец «один солдат из нашего взвода родом из Вологды не спросил в упор: правда ли, что немцы сосредоточились у границы и только и ждут приказа о наступлении? Помолчав, замполит сказал: друзья-то они друзья, но камень в кармане мы должны держать на всякий случай. На этом политинформация закончилась, и через час мы узнали, что замполит Лесков арестован и помещён под стражу в одну из палаток».

Суббота 21 июня прошла как обычно. Занятия перед выходным окончились раньше. Поскольку располагались в лесу, увольнений не ждали, занимались кто чем: письма писали, читали, отдыхали. Вечером всё командование уехало во Львов к семьям.

Стемнело. Между деревьями натянули простыню, толкаясь и перешучиваясь, солдаты расселись смотреть кино – на сей раз это оказался фильм «Чкалов». Картина Русакову очень понравилась, да и остальные тоже, её ещё долго обсуждали в палатках. «Погода стояла тёплая, фильм разбегердил душу, все мы служили второй год, мечтали о доме и уснули только часа в два».

СВОИ И ЧУЖИЕ

А в четыре их разбудил гул моторов и разрывы бомб и снарядов. Выскакивали из палаток кто в чём и бежали к машинам на сборный пункт во рву. Кто с оружием, а кто с ботинками в руках (эти разворачивались, ругаясь, мчались обратно, а потом догоняли всех). Во рву уже шёл митинг, когда туда прибежал Русаков. Выступал тот самый арестованный два дня назад Лесков. В связи с чрезвычайной обстановкой он вновь взял на себя обязанности заместителя командира по политчасти, а дежурный офицер – обязанности командира. Других офицеров в наличии не оказалось.

Так для Русакова, назначенного тогда же командиром взвода, началась война. В первые же часы, пишет он, при поддержке танков удалось не только отбить атаку немцев, но даже продвинуться километров на десять. Правда, успех оказался недолгим. «Танки наши были хорошими, но не оказалось снарядов. Быстро кончилось горючее, танкисты стали бросать свои машины, брали винтовки и шли с пехотой».

Где-то в районе большого моста Русаков со своим взводом занял вместе с другими высоту. Окопались и стали ждать немецкую колонну. Она была уже на подходе и выслала вперёд мотоциклистов. Те посмотрели, мост исправный, наши сделать с ним ничего не смогли. Русаков был сапёр, а заминировать нечем. «Ни тола, ни взрывателей, даже бензина не было, хотя мы и мотопехота».

Заняли позиции метрах в пятистах от моста, тут же стояли четыре замаскированных лёгких танка (без горючего). «Подпустили мотоциклистов побли-

же и метров с пятидесяти расстреляли. А главная колонна гитлеровцев уже шла по мосту – тут бы и взорвать его, а нечем. Ударил по ним всем, чем могли». Фашисты ответили, а потом развернулись и стали обходить наших с незащищённой стороны.

Ощущение бессилия – одно из самых сильных впечатлений первых часов и дней войны. Русаков тогда подумал: всё, крышка. И тут внезапно откуда-то выскочили наши танки. Солдаты взбирались на них на ходу, цеплялись кто как мог, изо всех сил жвимаемая в спасительную брону. Русаков вполыхах схватился за выхлопную трубу, кожа оста-

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.

лась на раскалённом металле. В какой-то момент он понял, что больше не может держаться. Но кто-то схватил его за шиворот и втащил наверх.

Так он вместе со своей частью отошёл к следующей линии обороны. Там оказалось тоже несладко. «Фашистские самолёты непрерывно бомбили и обстреливали на бреющем полёте, прижимая нас к земле. Вот бы, чертыхались мы, сюда наши самолёты! Но их не было. В первые же минуты войны гитлеровцы обрушили удар на наши аэродромы. Во время службы я часто попадал туда на дежурство, мы охраняли ангары, видел самолёты, много, но были они фанерными и в результате первой же бомбёжки сгорели».

Всё было нейтрализовано, с горечью замечает Русаков. Разве что тяжёлые танки КВ давали немцам «прикурить». Тихоходные, неповоротливые, они тем не менее без промаха били и жгли, вмяная всё на своём пути мощными гусеницами. Русаков был свидетелем того, как танк КВ вышел из укрытия и пошёл тараном на немецкие танки. Он употребляет именно слово «таран» – бить, видимо, было уже нечем.

Впрочем, «сталкиваясь с нашей отчаянной обороной, немцы боя не принимали, а просто обходили нас, так как фронта как такового не существовало. Части нашей дивизии оборонялись самостоятельно, без взаимодействия, без связи, без единого командования».

«Мы всё время выходили из окружения, – пишет Русаков, – давали бой и отходили». Где-то в районе города Яворова полк оказался в лесу. Русакова с двумя другими солдатами отправили на разведку. Пока ходили, полк, видимо, попал в большую беду и ушёл, побросав снаряжение, продовольствие, даже раненых. Докладывать о результатах разведки оказалось некому. Лес сильно бомбили, Русаков и

его товарищи, прихватив одного контуженного, уже четвергом решили догонять своих. «Мы ползли по меже очень низко, а на головы нам сыпались колоски от пулемётных очередей».

Вышли к деревне, где уже окапывалась другая часть. Своя, как оказалось, ушла вперёд, и их остановил заградотряд. Разговор короткий: назад, а то расстрел как покинувшим рубеж обороны. Пришлось покориться и возвращаться в «чужую» часть. «Вечерело, вокруг стало тихо. В это время, как мы потом узнали, немец прекращал военные действия, чистился, наедался и напивался. И ещё грабил, насильничал».

Николай с товарищами отправился на кухню. Там встретили подозрительными вопросами: откуда, кто такие, как здесь оказались, как будто не кухня, а спецчасть. Они и вправду смотрелись, наверное, странно среди только что прибывших, ещё ни разу не побывавших под огнём бойцов, – грязные, оборванные, голодные. В общем, обед им так и не выдали. Унижаясь перед поварами, объясняли, что с начала войны ещё ни разу не ели горячего – ничего не помогло. После этого решили прибегать к своим во что бы то ни стало.

И что удивительно – удалось! Обогнули заградительный отряд, вышли на дорогу, а там их догнала машина с родным треугольником на борту. «Мы закричали, она остановилась, посадила нас и привезла в часть. И там-то мы, наконец, в первый раз поели по-настоящему: манной каши со шпиком. Очень вкусно! Ели, пока лезло. Потом строились, переформировывались. Спать было некогда – по машинам и вперёд».

«ЖЕНЩИНА» И ЖЕНЩИНА

«К рассвету встретились с колонной немцев – лоб в лоб. Мы соскочили с машин, развернули за передок свои полуторки и дёру. По нам били шрапнелью. Где-то в пригороде Яворова заняли оборону на небольшой высоте. Окопались немного (зарылись по колено) – перед нами чистое поле. Жара стояла сильнейшая, пот градом, лицо и тело грязные, кожу от пота саднило. Долго ждать немцев не пришлось. Первый бронетранспортёр наши пушки подбили, но их пехота уже разворачивалась в боевой порядок. Наши пушки и миномёты их хорошо накрыли, немцы побежали, а мы по команде – в контратаку».

Фашисты встретили всеми средствами огня: автоматами, миномётами, откуда-то показа-

лись танки. Русаков с товарищами оказался на ровном месте, на песке. «Зарылись в песок, как черви. Сапёрной лопатки как назло не оказалось, за считанные минуты я врылся в землю при помощи кисти и рук. С тех пор я всю войну не расставался с лопаткой».

Солдатская ноша тяжёлая. Иногда не хватало сил носить всё с собой, объясняет он. Бывало, бросали противогазы, даже каски. В основном запасались патронами (сколько удавалось унести) и гранатами (три обычные, одна противотанковая). Русаков был вооружён самозарядной винтовкой СВТ («хорошей, но чуть попал песок, отказывает затвор»), кинжалом и пистолетом.

В общем, зарылись они – ждут, а гитлеровцы затихли. Похуже, обедают.

Внезапно сосед обратил внимание Николая на дальние окопы: «Гляди, санитарка!» У наших тогда ещё женщин-санитарок не было. Пригляделись, та ходила по окопам, где оставались раненые, иногда пригибалась, и тогда доносился едва слышный хлопок.

В какой-то момент Русаков с товарищем поняли, что происходит, переглянулись и одновременно не сговариваясь, выстрелили. Когда они подползли к этому окопу, с другой стороны к нему уже подбирался лейтенант. Каково же было общее удивление, когда все увидели, что перед ними переодетый в женщину эсэсовец. В короткое затишье во время «обеденного перерыва» он добивал наших раненых.

Дивизия отходила с боями всё дальше на восток. Очередной бой дали в районе львовского аэродрома. А потом шли через Львов – «тот, где я кончал полковую школу, служил и маршировал по каменным мостовым».

Чего потом только не было в военной судьбе Русакова! Ранения, госпиталь, снова бои. Плен, побег, возвращение в строй, новые военные пути-дороги. Есть в тетрадке эпизоды, похожие на кадры из художественного фильма.

Разбитый мост через Дон, который они соединяли под бомбёжками плотами. Разбомбят, они снова его восстанавливают, чтобы могла пройти отходящая пехота. Немцы бомбят Ростов-на-Дону днём и ночью. Новый приказ: взрывать паровозы, чтобы не достались врагу. Когда заряды Русакова стали греметь, немцы уже были в городе, и он с четырьмя товарищами едва успел вскочить в лодку.

На середине реки их лодка поравнялась с плывущей женщиной. Она держалась за бревно с лежащим на нём узлом. Придерживала узел одной рукой, другой грела, а за её плечи и шею держался мальчик лет пяти. «Мы стали их втаскивать в лодку, ухватили узел, а она как закричит: «Осторожно! Там ребёнок!» И правда, в узле оказался ребёнок. Мы помогли им добраться до берега. Уходя, обернулись на высокий склон и обернулись. Через Дон к спасительному левому берегу плыло множество людей. Кто как мог, кто на чём. А фашисты вели по ним стрельбу».

...Впереди была целая война. И тот момент, когда она развернулась и пошла не на восток, а с востока на запад, тоже был ещё впереди. В огромном потоке через зной, грязь, холод и кровь шёл сержант Николай Русаков – через полстраны, потом через Болгарию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию. Войну закончил в Вене. Но ещё там, на Дону, он знал, что никогда всего этого не забудет.

Татьяна ЕГОРОВА.